

Когда Ян Цинли задал этот вопрос, Нин Ли лишь растерянно смолк — да и что он мог ответить? Кроме того, что Синчжи принадлежал к императорскому клану Пэй, он не знал ровным счетом ничего.

Впрочем, если зайти с другой стороны, кое-что рассказать он всё же мог.

— Он... человек безупречных манер и редкого, исключительного благородства, — мягко произнес Нин Ли.

Ян Цинли покосился на него, окончательно лишившись дара речи:

— Да разве я об этом спрашивал?!

— А мне именно так ответить и хотелось! — ничуть не смутился Нин Ли.

Ян Цинли только и смог что беззвучно приоткрыть рот. На мгновение ему безумно захотелось схватить этого упряма за плечи и хорошенько встряхнуть: пусть расскажет наконец, что творится у него в голове!

Нин Ли же, глядя на его ошарашенное лицо, не выдержал и звонко рассмеялся:

— Я ведь подружился с ним самим, а не с его титулами или положением. К чему эти расспросы? Ты ведь и сам сказал: главное, чтобы он не оказался одним из тех мятежных князей.

К тому же... вдруг у Синчжи есть на то свои скрытые причины?

Отец часто говаривал, что его Нинин тоньше всех чувствует чужую душу. А значит, и к Синчжи нужно проявить чуткость и понимание!

Нин Ли говорил столь искренне и уверенно, что Ян Цинли невольно притих. Немного подумав, он согласно кивнул:

— Твоя правда. Похоже, это я впал в заблуждение ума, уцепившись за внешнее.

Услышав это чисто буддийское выражение, Нин Ли едва не задохнулся от смеха:

— Надо же! Стоило один раз отведать монастырской еды, как ты заговорил на языке наставников?

— А то как же, — с самым серьезным видом подтвердил Ян Цинли.

Они уже давно покинули Башню Дхармы Цветка и теперь неторопливо прогуливались по выходящей среди холмов тропинке. В этой уединенной части горы не было ни души — лишь они двое да их немногочисленные слуги.

— Ну и куда ты тащишь меня на этот раз? — поинтересовался Нин Ли.

— Что значит «на этот раз»? — возмутился Ян Цинли. — Ты ведь сам обещал проводить меня и поклониться Владыке Вэньчану! После Нового года мне снова возвращаться к учебе, так что благословение лишним не будет.

Нин Ли и не думал отказываться — он всегда держал свое слово. Просто сейчас его занимал совсем другой вопрос.

Глядя на каменистую, убегаящую вверх тропку, скрытую в густой листве деревьев, он негромко произнес:

— Цинли, вообще-то я тоже хотел тебя кое о чем спросить.

— Спрашивай, — беззаботно отозвался тот.

— Владыка Вэньчан, покровитель наук и чиновничьей карьеры, также известный как Владыка Цзытун или Небесный достопочтенный чистого света, — божество даосского пантеона. А мы сейчас находимся в самом сердце буддийской обители. И где же ты надеешься отыскать здесь храм даосов?

Ян Цинли застыл на месте.

Он неловко почесал затылок:

— А... разве его здесь нет? Я думал, раз уж храм Цзяньчу — величайшая святыня Цзяньдуна, то здесь непременно должно быть всё.

Они уставились друг на друга в немом недоумении. Ян Цинли выглядел столь растерянным и потрясенным, словно Нин Ли только что открыл ему величайшую тайну мироздания.

Наконец, поняв, что друг вовсе не шутит, он уныло поник.

— Но у нас на родине всё именно так! — проворчал Ян Цинли. — И буддийские монастыри, и школы, и даосские храмы — всё в одном месте. Учись себе да молись богам одновременно,

разве плохо?

Нин Ли мысленно усмехнулся: должно быть, таков обычай в далеком Сюйчжоу. Но они-то сейчас в Цзянье!

— Мне-то что с твоих жалоб? — отозвался Нин Ли. — Иди и предложи это тамошнему настоятелю.

— Да меня же мастер Укуэй лично палкой за ворота выставит! — взмолился Ян Цинли.

Нин Ли похлопал его по плечу, утешая:

— Сегодня Лаба, великое буддийское торжество. Давай лучше так: третьего числа второго месяца, на день рождения Владыки Вэньчана, я обязательно съезжу с тобой в даосскую обитель.

— Это же сколько еще ждать! — Ян Цинли прикинул в уме даты, и его лицо страдальчески вытянулось. — К тому времени наставники в академии успеют наказать меня раз десять, не меньше!

За дружеской перебранкой они незаметно миновали храмовые ворота. Тропинка уводила их всё дальше, петляя среди вековых деревьев под тихий, умиротворяющий лепет горного ручья. И вдруг в просвете между ветвями, на фоне далеких склонов, показались очертания маленького уединенного святилища.

Ян Цинли не пожелал отступаться и упрямо потащил Нин Ли за собой. Ему во что бы то ни стало хотелось разузнать, какому именно бессмертному владыке или будде поклоняются в этой глуши под Цзянье.

Нин Ли лишь весело покачал головой и, послушно шагая следом, поспешил за неугомонным другом.

Над входом в крошечный храм висела скромная табличка с надписью «Цуйлин». Обитель была совсем крошечной, величиной с ладонь, и ни в какое сравнение не шла с величественным великолепием храма Цзяньчу. И всё же, несмотря на скромные размеры, здесь было всё необходимое: парадные ворота, главное святилище и кельи для монахов. Вот только высокой буддийской пагоды тут было не сыскать.

И уж конечно, никакого павильона Вэньчана здесь не водилось.

Паломники, приезжавшие издалека, стремились в знаменитый храм Цзяньчу. Те же, кто не мог пробиться сквозь толпу, выбирали другие крупные обители. Сюда, в затерянный храм Цуйлин, забредали лишь единицы.

У невысокой ограды стоял маленький послушник. Взобравшись на крупный валун и привстав на цыпочки, он изо всех сил тянулся к узорчатому окну, пытаясь что-то нащупать маленькой ручкой. Заметив чужаков, он испуганно пискнул, потерял равновесие и кувырком полетел на землю. Кое-как вскочив, мальчишка в панике бросился наутек, потеряв на бегу одну туфлю.

Нин Ли покачал головой:

— Вот видишь? Затащил меня в глушь, еще и бедного послушника до смерти перепугал.

Они обогнули стену и подошли к воротам, но те оказались наглухо закрыты на тяжелую медную цепь. Стало ясно, почему маленькому послушнику приходилось подглядывать в узорчатое окно.

— Неужели здесь никого нет? — пробормотал Ян Цинли.

В храме Цуйлин царила глубокая, почти зловещая тишина. Ни шороха, ни единого признака жизни.

— Замок хлипкий, — заговорщически прошептал Ян Цинли. — Может, попробемся внутрь и глянем глазком?

— Обычный заброшенный храм, что ты там не видел?

— Но раз уж мы пришли...

Пока они нерешительно топтались у ворот, слышались торопливые шаги. К ним поспешил монах-привратник. Стоило Нин Ли взглянуть на его лицо, как он удивленно приподнял брови: цвет глаз монаха был совершенно необычным.

Монах вежливо поклонился и жестом пригласил гостей пройти в гостевые покои.

— Почтенный, — весело заговорил Ян Цинли, — только что у ограды крутился маленький послушник. Пытался высмотреть что-то через узорчатое окно.

Он сказал это шутки ради, но на лице монаха вдруг промелькнула явная досада, граничащая с гневом. Лишь вспомнив, что перед ним высокопоставленные гости, он поспешно напустил на себя благообразный вид.

Эта мимолетная вспышка не укрылась от глаз молодых людей. Оба дружно подумали, что буддийское смирение этого торопливого привратника пока оставляло желать лучшего.

— Почтенный наставник, а что это за двор заперт на замок? — спросил Нин Ли.

— Это старые, заброшенные кельи, — бесстрастно ответил монах. — Стены там совсем обветшали, того и гляди рухнут на голову какому-нибудь зеваке. Потому и заперли от греха подальше.

В этой крошечной обители смотреть и вправду было не на что — её можно было обойти за несколько шагов.

Монах подал угощение: тарелку с сушеной хурмой, покрытой тонким слоем белой сахарной глазури. На тарелке лежало ровно четыре штуки — ни одной больше.

— Какая скупость, — тихонько проворчал Сяо Цзи.

— Ешь молча, — одернул его Ян Цинли. — Скажи спасибо, что вообще хоть чем-то угостили. Не видишь разве — монастырь вот-вот развалится?

— Да не похоже, чтобы он рушился. Наверняка лукавят! — Сяо Цзи подошел ближе к Нин Ли и прошептал: — Молодой господин, а ведь монах-то этот — чужеземец!

Нин Ли согласно кивнул. Глаза привратника были темно-серыми, со специфическим отливом — черты лица выдавали в нем уроженца западных краев.

— Зато на нашем столичном наречии говорит без запинки, — заметил Ян Цинли.

С этим Нин Ли не мог не согласиться.

Если бы не цвет глаз и чуждые черты лица, никто бы и не догадался о его происхождении.

Впрочем, если обителью заправляли монахи-чужеземцы, то неудивительно, что она пребывала в таком упадке. В самом Цзянье местным монахам едва хватало места и подаяний, с чего бы им делиться паствой с пришлыми чужеземцами?

Когда тарелка опустела, Сяо Цзи спохватился:

— Ой, а как же Лингуан? Ему хурмы не досталось.

— Только сейчас вспомнил? — хмыкнул Нин Ли. — Я давно отправил его купить еще целую корзину.

В храме Цуйлин они задержались дольше, чем планировали, и когда наконец вышли наружу, солнце уже клонилось к закату.

Разделив с друзьями корзину со сладкой сушеной хурмой, Нин Ли вскочил в седло и пустил коня во весь опор. В мгновение ока он промчался по горным тропам и выехал на дорогу, ведущую к Таншань.

Закат расцветил небо тысячами багряных полос, озаряя величественные горные ущелья.

Нин Ли уверенно держался в седле. Не сбавляя шага, он залюбовался пылающим закатом. Вдруг вдалеке, на изгибе тракта, он заметил медленно двигавшуюся кавалькаду. Пролетев мимо них вихрем, юноша внезапно что-то осознал. Он резко натянул поводья. Конь заржал, вздымаясь на дыбы, и Нин Ли повернул назад.

Вскоре он поравнялся с путниками. Это была простая карета в сопровождении четырех или пяти всадников.

Среди них Нин Ли сразу приметил знакомые лица. В самом центре ехал мужчина с бледным, гладко выбритым лицом, которого он встречал уже не раз. Отбросив сомнения, юноша радостно окликнул его:

— Управляющий Чжан! Какими судьбами на этой дороге? Направляетесь в усадьбу? А... где же Синчжи?

Всадники остановились. Чжан Хэлинь, тотчас узнав молодого господина, мягко улыбнулся:

— Раз уж молодой господин Нин так беспокоится, почему бы ему не спросить об этом нашего господина лично?

Не успел он договорить, как Нин Ли перевел взгляд на карету. Сопровождавшие её всадники почтительно расступились, освобождая дорогу.

Шелковая занавеска мягко отодвинулась, являя взору благородный, чистый лик. Пэй Чжао негромко произнес с теплой улыбкой:

— Ниннин.

Нин Ли никак не ожидал встретить Пэй Чжао прямо посреди горного тракта. Сердце его сладко затрепетало, точно присыпанное нежной сахарной пудрой.

— Я сперва подумал, что обознался, — признался Нин Ли, подъезжая ближе. — Как хорошо, что я все-таки решил повернуть назад!

— Даже если бы ты ошибся, беды бы не случилось. Разминулись бы сейчас — свиделись бы чуть позже, только и всего, — отозвался Пэй Чжао.

Их взгляды встретились. Посмотрев на Пэй Чжао, Нин Ли невольно улыбнулся. Они переглянулись с мягким, безмолвным пониманием.

И верно: часом раньше, часом позже — какая разница? Их загородные усадьбы соседствовали, так что даже разминувшись на дороге, они всё равно встретились бы этим вечером.

— Откуда ты держишь путь, Ниннин? — спросил Пэй Чжао.

— Из храма Цзяньчу. Да и еще в парочке мест побывал, все названия и не упомяну...

«С чего вдруг он решил отправиться по храмам? Прежде за ним не водилось любви к буддийским сутрам», — подумал Пэй Чжао.

Глядя на оживленного, так и светящегося жизнелюбием юношу, у которого, казалось, накопилось множество новостей, Пэй Чжао негромко предложил:

— Поднимайся в карету, расскажем по дороге.

Нин Ли на миг заколебался, но, всмотревшись в лицо собеседника, покачал головой:

— Нет, не стоит. Я только с мороза, напустил на себя холоду, еще простужу тебя. Лучше я поеду рядом верхом и поговорю с тобой отсюда... Полно, задерни скорее занавеску, на улице ведь ветер!

Однако Пэй Чжао лишь продолжал мягко и пристально смотреть на него, даже не думая закрывать окно.

«Так не пойдет!»

Нин Ли нахмурился, порывисто наклонился в седле и решительно перехватил его руку, заставляя убрать её, после чего плотно задернул плотную шелковую шторку, преграждая путь ледяному сквозняку.

Из глубины кареты донесся обреченный вздох Пэй Чжао:

— Ну и своевольник же ты.

— Своевольник, и что с того? — весело фыркнул Нин Ли. — Попробуй со мной поспорить!

Пэй Чжао опустил взгляд на свою ладонь. В то мгновение, когда Нин Ли задвигал шторку, их пальцы соприкоснулись. От руки юноши исходило живое, пульсирующее тепло. Очень горячее, согревающее душу.

— И что мне остается? — с тихой улыбкой вздохнул Пэй Чжао. — Только подчиниться твоему указу.

Карета медленно поднималась по горному склону и достигла ворот усадьбы как раз к моменту, когда на землю опустились сумерки.

Нин Ли привычным шагом направился к соседскому двору, неся в руках небольшую бамбуковую корзинку.

Большая часть стражников уже знала его в лицо. Некоторые из них сегодня лично наблюдали за их беседой на горной дороге. Лица их оставались бесстрастными, однако в душе каждый невольно дивился.

Надо же, Его Величество и впрямь невероятно благосклонен к наследному принцу Нину. Кому прежде доводилось видеть государя столь мягким и снисходительным?

Конечно, все они умели держать язык за зубами. Каждый из них прошел суровый отбор и получил строгий приказ ни в коем случае не выдавать истинное положение хозяина. Оплошностей эти преданные и проницательные воины не допускали.

Пэй Чжао успел переодеться в просторный халат глубокого сине-серого цвета с узором из ветвей жимолости. Он как раз неторопливо поправлял в вазе несколько редких веточек цветущей сливы, когда до его слуха долетел тихий шорох шагов.

— Ниннин пришел, — улыбнулся он, не оборачиваясь.

Однако шаги внезапно замерли в отдалении, и из прихожей донесся звонкий голос:

— Погоди немного, не подходи!

Прошло довольно много времени, прежде чем гость наконец вошел в комнату.

Солнце давно скрылось за вершинами холмов, уступив место глухой ночи. Изящные золоченые подсвечники ярко полыхали, заливая покои теплым сиянием. В этом свете юноша казался удивительно хрупким и изящным. Пэй Чжао заметил, что Нин Ли остался в своем прежнем пурпурном одеянии, однако теперь от ткани исходило мягкое, ласковое тепло. Хозяин

мгновенно всё понял: юноша не хотел нести холод в комнату и перед тем, как войти, долго грелся у огня, окуривая одежды благовониями.

Сам-то Нин Ли...

После бешеной скачки по заснеженным дорогам он ничуть не боялся морозного ветра.

В груди Пэй Чжао шевельнулось нежное, трепетное чувство. Он хотел было сказать что-то теплое, но промолчал, боясь нарушить очарование момента.

Он перевел взгляд на маленькую бамбуковую корзинку в руках юноши, сквозь прутья которой виднелись крупные, круглые бока ярко-красных плодов.

— Ниннин, это мне? — мягко спросил он.

Нин Ли, не ожидавший, что его подарок раскроют так быстро, довольно улыбнулся и протянул корзинку:

— Это хурма из самого храма Цзяньчу! Плоды из главного монастыря Цзяньдуна непременно принесут удачу... Синчжи, пусть в твоей жизни всё сложится сладко и ладно!

Он бережно извлек из корзинки два плода — крупные, налитые соком, круглобокие. К их зеленому чашелистикам были прикреплены лоскутки ярко-красной бумаги с праздничными узорами, отчего подарок выглядел на редкость нарядным и праздничным.

— Вот, держи! Я выбрал самые красивые! — раздался его звонкий, счастливый голос.

— Действительно, на редкость крупные и спелые, — с улыбкой отозвался Пэй Чжао. — Спасибо тебе, Ниннин.

От такой искренней похвалы Нин Ли даже немного смутился. В этот момент подошел управляющий Чжан, держа в руках изящное деревянное блюдо в форме лотоса, куда они бережно уложили оба плода.

Они сели за стол. Хозяин трижды хлопнул в ладоши, и слуги тотчас принялись уставлять стол всевозможными изысканными яствами и дымящимися супницами.

— Ниннин, сегодня праздник Лаба, — мягко заговорил Пэй Чжао. — Должно быть, праздничную кашу ты уже пробовал в монастыре, поэтому я велел приготовить для тебя тофу Лаба. Попробуй, понравится ли тебе?

Золотистый снаружи и нежно-белый внутри, тофу так и таял во рту, оставляя приятное солоноватое послевкусие, которое постепенно сменялось тонкой сладостью.

Это блюдо было традиционным для окрестностей Цзяньчэ и земель Чучжоу, но Нин Ли пробовал его впервые, и вкус показался ему на редкость необычным и изысканным.

Слуги разлили по пиалам наваристый бульон, приготовленный из отборных сосновых грибов и домашней курицы. Плотный, насыщенный аромат мгновенно заполнил комнату, а первый же глоток разлился по телу живительным теплом.

За столом они держались непринужденно, не обременяя себя строгим правилом не вести праздных бесед за трапезой.

— Ну так что же ты видел в храме Цзяньчэ, Ниннин? — любопытствовал Пэй Чжао.

— М-м-м, — протянул Нин Ли, проглотив кусочек тофу. — Вообще-то сначала мы заехали в храм Фэнчун. Там я отведал каши семи сокровищ и пяти вкусов, а уже потом мы отправились в Цзяньчэ, где пообедали монастырскими яствами и разглядывали фрески на стенах.

Пэй Чжао на секунду задумался и кивнул:

— Фрески в храме Цзяньчэ и впрямь великолепны.

— Еще бы! — воодушевленно подхватил Нин Ли, и его лицо так и просияло. — Я даже отыскал на стене своего отца!

Пэй Чжао сперва опешил, но быстро сообразил, о чем идет речь:

— Ты имеешь в виду картину «Весеннее возвращение в храм Цзяньчэ»?

— Именно!

— Её начертали на монастырской стене по указу императора Юаньси после сокрушительного разгрома Западного Фаня, когда государь пребывал в великой радости, — неторопливо поведал Пэй Чжао. — У этого творения есть своя история. То, что ты видел на стене храма Цзяньчэ, — лишь искусная копия. Настоящий же свиток написал сам У Яньчжи, лучший ученик Бога живописи.

В девятнадцатый год эпохи Юаньси правители Западного Фаня переоценили свои силы и пошли войной на наши земли, однако в итоге бежали с позором. Они потерпели сокрушительное поражение во всём: и в спорах о буддийской дхарме, и в искусстве стратегии, и на поле брани. Наша армия разбила их наголову, а трое героев Великой Юн, принявших

вызов чужеземцев, стяжали тогда бессмертную славу.

Юный У Яньчжи лично присутствовал при тех великих событиях. Переполненный восторгом, он вернулся домой и в едином творческом порыве создал величественное полотно, назвав его «Весеннее возвращение в храм Цзяньчу».

— Подлинник ныне хранится в императорской сокровищнице во дворце. Если тебе так хочется его увидеть... — Пэй Чжао внезапно умолк на полуслове.

— Что такое, Синчжи? — удивленно взглянул на него Нин Ли.

Пэй Чжао мысленно обругал себя за неосторожность: он чуть было не сболтнул лишнего. Ему хотелось сказать, что если Нин Ли пожелает, свиток тотчас доставят из дворцовой сокровищницы. Но как обычный дворянин из императорского клана мог совершить подобное?

Он выдержал короткую паузу и как ни в чем не бывало продолжил:

—... Я попытаюсь разузнать, нельзя ли его выкупить или одолжить на время.

Пэй Чжао полагал, что юноша обрадуется такой возможности, однако Нин Ли лишь покачал головой:

— Нет необходимости, не стоит утруждаться, — отозвался он с легким равнодушием.

— Неужели тебе совсем не хочется взглянуть?

— Ни капли.

Нин Ли ответил весело, но в его ясных глазах на миг промелькнул лукавый огонек. Глядя на это лукавство, Пэй Чжао невольно подумал: «И как только верить этому пройдохе?» Но раз уж Нин Ли отказался, настаивать он не стал и просто перевел разговор на другую тему:

— И что же еще приключилось с тобой сегодня?

Припомнив встречу с князем Вэй, который так искусно носил свою фальшивую личину благородства, Нин Ли недовольно хмыкнул:

— Встретил одного невыносимого человека.

И он в красках расписал всё, что произошло в Башне Дхармы Цветка, не скрывая своего раздражения:

—... Он что, держал меня за полного дурака? Я только перешагнул порог, как сразу понял, что он подослал соглядатая подслушивать наш разговор!

Пэй Чжао почувствовал, как в душе закипает холодный гнев, но внешне ничем этого не выдал. Он лишь спокойно заметил:

— Он глуп и недальновиден. Впредь просто не обращай на него внимания.

Нин Ли довольно заулыбался:

— Я вывел его на чистую воду с помощью двух обычных арахисовых орешков, после чего развернулся и ушел, оставив его ни с чем!

О князе Вэй — этом румянном щеголе под фальшивой маской благородства — Нин Ли больше говорить не хотелось.

Сидя за столом, он невольно вспомнил старинную поговорку: «Выдавать рыбы глаза за бесценный жемчуг».

В его глазах этот напыщенный князь действительно был не лучше мутного рыбьего глаза. А вот настоящей, чистейшей жемчужиной...

Нин Ли устремил взгляд на сидящего перед ним Пэй Чжао и невольно залюбовался им, позабыв обо всем на свете.

Пэй Чжао обладал удивительно благородными и строгими чертами лица: соколиный разлет бровей, прямой, точеный нос и тонкие очертания губ. В изгибе его рта угадывалась скрытая властность и суровость, однако взгляд его лучился столь мягким, живым теплом, что всякая холодность тут же таяла, сменяясь удивительным дружелюбием.

Возвышенная, чистая красота и царственное величие — эти две, казалось бы, противоположные черты непостижимым образом сливались в его облике, являя миру безупречную гармонию.

Если бы прекрасные юноши со старинных полотен могли ожить, они выглядели бы именно так.

Взгляд Нин Ли — сияющий, открытый и пристальный — был почти осязаем. Разве мог Пэй Чжао его не почувствовать?

И хотя с юных лет он привык сохранять невозмутимость при любых обстоятельствах, сейчас ему стало немного не по себе. Впрочем, внешне он остался абсолютно спокоен.

—... Ниннин? — негромко позвал он, удивленный его молчанием.

Очнувшись, Нин Ли выпалил первое, что пришло ему в голову:

— Синчжи, ты так красив, что на тебя одного посмотришь — и сыт будешь!

Стоявший неподалеку управляющий Чжан обомлел. Он никак не ожидал от молодого господина столь дерзких речей, и у него едва душа в пятки не ушла от страха.

Его Величество терпеть не мог, когда кто-то смел судить о его внешности. Слова Нин Ли грубо нарушали дворцовые приличия. Старый слуга в панике соображал, как бы половчее вмешаться и сгладить неловкость, рискуя навлечь гнев на свою седую голову, как вдруг в тишине комнаты раздался тихий смешок.

Этот глубокий, слегка хрипловатый смех вовсе не дышал злобой.

Напротив, в голосе Пэй Чжао послышалась мягкая издевка:

— Вот как? Что же тогда твоя пиала до сих пор полна?

Нин Ли привык говорить всё, что думает, и лишь выпалив глупость, запоздало сообразил, как двусмысленно прозвучали его слова.

Он уже собирался торопливо объясниться, лишь бы Синчжи не счел его дерзким наглецом, но вместо сурового выговора услышал беззлобную шутку.

«Кажется, Синчжи совсем не сердится...» — с облегчением подумал юноша.

— Одно дело любоваться красотой, и совсем другое — закусывать ею рис, — едва слышно пробурчал он под нос.

Пэй Чжао невозмутимо возразил:

— Князь Вэй хоть и зауряден в делах, но в столице его изысканные манеры и привлекательность славятся повсеместно. Твои слова несправедливы к нему.

— Это только потому, что они не знают тебя! — не раздумывая выпалил Нин Ли.

Пэй Чжао удивленно вскинул на него глаза и тихо улыбнулся.

А Нин Ли упрямо гнул свое:

— Если бы ты чаще бывал в свете, все эти столичные эстеты мигом бы поняли, кто на самом деле наделен истинным благородством и природной грацией!

Пэй Чжао лишь покачал головой, не зная, смеяться ему или сокрушаться над детской непосредственностью этого мальчишки.

Юноша был слишком молод — в нем бурлила неудержимая жизнь и безрассудная отвага. Он без оглядки высказывал всё, что ложилось ему на душу, совершенно не задумываясь о последствиях.

Говорил так пылко, так уверенно и звонко.

Но Пэй Чжао понимал: всё это лишь до тех пор, пока Нин Ли не ведает, кто перед ним на самом деле.

Если эта иллюзия рухнет и правда откроется, осмелится ли он сказать подобное грозному государю?

В столице императора боялись, страшились, люто ненавидели.

Обычно Пэй Чжао относился к этому равнодушно и лишь хладнокровно усмехался. Но сейчас в груди зашевелилось смутное, горькое чувство.

Об этом не стоило размышлять, а тем более — терзать себя напрасными думами. Стоило лишь допустить эту мысль в разум, как сердце глухо щемило от боли. Пэй Чжао поспешил отогнать наваждение. В конце концов, тайна пока не раскрыта, и они могут оставаться близкими людьми. Так к чему портить этот миг?..

Два крупных спелых плода лежали на лotosовом блюде. Праздничные полоски красной бумаги на них выглядели необычайно ярко и уютно.

Бросив взгляд на подарок, Пэй Чжао ровным тоном распорядился:

— Пусть князь Вэй отправится в свои покои и хорошенько подумает над своим поведением. Раз уж он так любит рассуждать о буддийской мудрости, пусть перепишет «Сутру Сердца» ровно сто раз. И не смеет показываться на глаза, пока не закончит работу.

Управляющий Чжан мысленно вздохнул. Князь Вэй умудрился попасть под самую горячую руку и теперь жестоко за это поплатится. Старый слуга безмолвно поклонился и поспешил удалиться, чтобы передать приказ.

В этот момент плотные занавеси у входа бесшумно раздвинулись, и в комнату вошел мужчина, одетый в облегающий черный походный костюм. Это был Сяо Цзюлин.

Пэй Чжао небрежно коснулся пальцами красной бумаги на черенке хурмы:

— Удалось что-нибудь разузнать?

— В караване племени Тэле насчитывалось двадцать шесть человек, — доложил Сяо Цзюлин. — Двадцать пять из них уже схвачены и взяты под стражу. Последний скрылся, его местонахождение неизвестно. Старший каравана утверждает, что этот человек бесследно исчез сразу после праздника Зимнего солнцестояния.

Тот, кого не досчитались, и был тем самым лазутчиком, затаившимся на дне реки.

Пэй Чжао задумчиво прищурился:

— Насколько мне известно, среди воинов Тэле никогда не было великих мастеров.

— Всё так, — подтвердил Сяо Цзюлин. — Однако ходят слухи, что у дикарей за северными рубежами есть тайные запретные техники, способные на время многократно увеличить внутренние силы. Тот, кто достиг лишь ступени Проникновения в Мелочи, с помощью этих темных методов может ненадолго подняться до ступени Отсутствия Заблуждений и сравниться по мощи с великим мастером.

Сяо Цзюлин на секунду замялся, после чего добавил:

—... Правда, за подобное безумие приходится платить страшную цену. Обратная вспышка калечит каналы ци и почти наверняка лишает жизни. Без крайней нужды к этой магии никто не прибегает.

Столичный округ охранялся чрезвычайно строго. Внешность выходцев из племени Тэле разительно отличалась от жителей Великой Юн, и без подорожной грамоты беглец ни за что бы не выбрался за пределы застав.

Где же он прячется теперь?

Очевидно, что в одиночку выжить в столице чужак бы не сумел. Ему определенно помогал кто-то могущественный изнутри. И этот тайный покровитель...

Сяо Цзюлин нерешительно произнес:

— Быть может, стоит тайно обыскать Дворец Великого Спокойствия?

В самом деле, укрыть беглого шпиона от ищеек Тайного сыска под силу лишь одному человеку в государстве — тому, кто пребывал в Дворце Великого Спокойствия. Родному отцу Пэй Чжао, Верховному императору, отрекшемуся от престола в четырнадцатый год правления под девизом Жэньшоу.

В Поднебесной сыновняя почтительность стояла превыше любых законов. И пускай ныне бразды правления держал в руках Пэй Чжао, против воли отца он не мог пойти открыто. Если устраивать проверку, то делать это следовало без лишнего шума, тщательно взвесив каждое решение.

— Нет нужды, — холодно отозвался Пэй Чжао. — Раз уж они решились на такой шаг, то наверняка успели замести все следы. Обыск ничего не даст.

Он прекрасно понимал, с кем именно ему придется столкнуться лицом к лицу в этой незримой схватке. На его губах заиграла горькая, полная презрения усмешка.

Изначально затевая эту игру, Пэй Чжао прекрасно знал, какую змею ему предстоит выманить из норы. Всё шло строго по его плану. Но почему же тогда на душе было так скверно?

Решение было принято, и Сяо Цзюлин почтительно склонил голову.

— С остальными разберись, — бесстрастно добавил государь. — Отправь их головы правителю Тэле. Он умен и сразу всё поймет.

<http://bllate.org/book/20087/2001861>